

Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 150-летию образования следственного аппарата в России): Сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф.: В 3-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2010. Ч.1.

Редакционная коллегия: доктор юридических наук, профессор *Б.Я. Гаврилов*; доктор юридических наук, профессор *В.П. Божьев*; доктор юридических наук, профессор *В.П. Лавров*; кандидат юридических наук, профессор *И.И. Колесников*; кандидат юридических наук, доцент *Н.Л. Емелькина*; кандидат юридических наук, доцент *С.Е. Егоров*; кандидат юридических наук, доцент *О.В. Хитрова*; кандидат юридических наук, доцент *И.А. Цховребова*; кандидат юридических наук *С.В. Валов*.

Сборник сформирован по материалам выступлений на Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия» (к 150-летию образования следственного аппарата в России), проходившей в Академии управления МВД России 28-29 мая 2010 г.

Сборник состоит из трех частей, в которых представлены научные статьи ученых и практиков (1, 2 ч.), а также адъюнктов и соискателей (3 ч.) по вопросам уголовно-процессуального права, криминалистики, судебной экспертизы и уголовного права.

Сборник представляет интерес для юристов – ученых и практиков.

Издается в авторской редакции

© Академия управления МВД России, 2010

бование закона о том, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях, выступает важной гарантией против необоснованного осуждения гражданина и нарушения его законных прав и свобод.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ЗАКОН И ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

С.Б. Россинский

кандидат юридических наук, доцент

(Московская государственная юридическая академия

им. О.Е. Кутафина)

Одной из наиболее приоритетных и актуальных проблем уголовного судопроизводства в настоящее время является проблема качества предварительного расследования. Наверное, сегодня ни для кого не секрет, что это такое качество оставляет желать лучшего, а порой – просто не выдерживает никакой критики. И как итог – слабые позиции государственного обвинения в судебных заседаниях, частые случаи нарушения прав и свобод участников уголовного судопроизводства и тому подобные негативные последствия.

В связи с этим за последнее время учеными-процессуалистами и криминалистами предпринято немало усилий, направленных на оптимизацию досудебного производства по уголовному делу и как следствие – на повышение качества работы органов предварительного расследования. Причем особое внимание специалистов традиционно направлено на предварительное следствие как основную форму расследования, в частности на полномочия следователя.

Данные научные тенденции не остались без внимания законодателя: как известно, в 2007 г. была проведена кардинальная реформа предварительного следствия, направленная, в первую очередь, на улучшение качества работы следственных органов. Как отмечал в одном из своих интервью Председатель Государственной Думы РФ Б.В. Грызлов, это должно повысить качество работы правоохранительной системы, ликвидировать возможность для злоупотреблений. По его мнению, высказанному в преддверии реформы, «Такое разграничение функций – реальный путь к более эффективному расследованию преступ-

лений, в том числе преступлений коррупционного характера»¹. Очевидно, что на оптимизацию и повышение качества предварительного следствия направлен и еще целый ряд изменений, постоянно вносимых в текст уголовно-процессуального закона. В частности, таковыми являются и последние изменения, внесенные в ст.144 УПК РФ.

Однако, как показывает практика, несмотря на упомянутые многочисленные поправки, вносимые в текст уголовно-процессуального закона, качество предварительного следствия по-прежнему оставляет желать лучшего, а, по мнению некоторых специалистов, – даже ухудшилось. Так, в одном из интервью заместитель генерального прокурора РФ В.Я. Гринь отметил, что за первые 6 месяцев 2008 г. количество уголовных дел, возвращенных для проведения дополнительного расследования, по сравнению с 2007 г. увеличилось более чем втрое².

В чем же причина ненадлежащего качества предварительного расследования? Почему же многочисленные изменения, вносимые с постоянной периодичностью в текст УПК РФ, не приносят никаких ощутимых результатов, а иногда и вовсе приводят к противоположному негативному эффекту?

Рассматривая данный вопрос, прежде всего, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что в процессе реформирования полномочий следователя имеются две противоположные друг другу тенденции. Первая тенденция направлена на предоставление как можно большей процессуальной самостоятельности следователю и наделения его максимальной ответственностью за свои действия и решения. Данная тенденция берет свое начало от существующего постулата персональной ответственности. Сущность данного постулата, как известно, заключается в том, что тот или иной субъект правоприменения будет более добросовестно относиться к своим обязанностям, окажись он «один на один с проблемой» и осознавая отсутствия возможности оказания помощи. В частности, следователь очевидно должен более добросовестно относиться к расследованию уголовного дела, осознавая свою персональную ответственность за

¹ Интервью председателя Государственной Думы РФ Б.В. Грызлова опубликовано на веб-сайте // <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/shtml>.

² Интервью заместителя Генерального прокурора РФ В.Я. Гриня опубликовано на веб-сайте // <http://www.pravo.ru/news/view/1359/>.

свои действия и решения и понимая, что ни РСО, ни прокурор, ни кто-либо иной не придет на помощь и не исправит ситуацию.

А вторая тенденция, наоборот, связана с как можно большим ограничением процессуальной самостоятельности следователя – как фактора, обуславливающего возможность различных злоупотреблений и произвола со стороны следственных органов. И в первую очередь ограничение процессуальной самостоятельности связано с расширением института судебного контроля за деятельностью органов предварительного следствия.

В этой связи весьма любопытными представляются результаты комплексного анализа изменений, вносимых в текст уголовно-процессуального закона в последнее время: законодатель, подобно маятнику, бросается от одной тенденции к другой. То на самостоятельность следователя налагаются новые ограничения, например, необходимость получения судебного решения для выемки вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард. То следователь, наоборот, освобождается от какого-либо процессуального бремени, например от обязанности согласовывать с прокурором решение о возбуждении уголовного дела.

Итак, вывод напрашивается сам собой: законодатель не имеет четкого представления, по какому пути проводить реформу, направленную на повышения качества расследования. Представляется, что именно неясность в этом вопросе обрекает на провал и неудачу все предпринятые в данном направлении шаги законодателя.

В связи с этим позволим себе высказать, что в настоящее время необходимо, наконец, остановить бесконечный поток поправок в законодательные положения, регламентирующие деятельность следователя. Довольно подвергать без того постоянно редактируемый текст УПК РФ все новым и новым изменениям и дополнениям. Думается, что все эти изменения и дополнения уже изначально обречены на провал.

Вместо этого, на наш взгляд, требуется сконцентрировать внимание на самой доктрине, на политике государства, на идеологии, которые должны быть положены в основу процессуального статуса следователя в уголовном судопроизводстве. Иными словами, прежде чем устанавливать конкретные полномочия следователя, пределы его процессуальной самостоятельности и

степень персональной ответственности, государство должно уяснить само для себя, кого оно хочет видеть в этой роли: грамотного профессионала или бездарного неудачника.

Если государственная политика в части формирования следственного корпуса будет направлена на «сильного следователя», то есть на профессионализм, компетентность, большой жизненный опыт, высокий уровень правосознания и ответственности каждого следователя, то законодательная реформа должна идти по пути обеспечения максимальной самостоятельности данного участника. Если же, наоборот, государственная доктрина будет сориентирована на «слабого следователя», то есть на непрофессиональных, несознательных, склонных к злоупотреблениям и коррупции должностных лиц, то реформа должна идти по совершенно иному пути – постановке под жесткий контроль и надзор буквально каждого шага и вдоха следователя.

Безусловно, что оба этих концептуальных подхода имеют свои недостатки. Так, ахиллесова пята первого из них заключается в том, что в настоящее время, уровень следственных работников (особенно на местах) еще очень далек от совершенства. Данное обстоятельство является отголоском социально-экономических катаклизмов рубежа XX-XXI вв.; оно сопряжено с кризисом системы правоохранительных органов, со слабой материальной и иной заинтересованностью в службе в органах предварительного следствия и с подобными факторами. Поэтому очевидно, что современное состояние органов предварительного следствия просто не готово к переходу на описанную выше идеологию «сильного следователя». Кстати именно за это критикуют подобный подход его противники.

Слабость второго подхода заключается в том, что он фактически превращает следователя в обычного исполнителя, технического помощника РСО (ранее – прокурора), не способного принимать самостоятельных решений и нести за них ответственность. А раз так, то закономерно возникает вопрос: зачем тогда вообще нужен следователь? Может быть, в этом случае вовсе ликвидировать такую процессуальную фигуру, распределив ее полномочия между другими субъектами: прокурором, органом дознания, РСО (видимо в этом случае данного участника надо будет именовать по-иному).

С нашей точки зрения приоритет должен быть отдан имен-

но первой концепции – концепции «сильного следователя». Подобную позицию мы обосновываем следующими доводами. Во-первых, очевидно, что концепция «сильного следователя» – это концепция будущего. Она построена на некотором научном оптимизме, предполагающем будущий выход правоохранительной системы из глубокого и затянувшегося кризиса. И, следовательно, она содержит большой потенциал для улучшения качества работы добровольно и без принуждения со стороны надзирающих и контролирующих субъектов. А вот концепция «слабого следователя», построенная на принудительном улучшении качества работы, как бы «из-под палки», подобного потенциала не имеет и, следовательно, при любой ситуации потянет следственные органы назад – в кризис.

Во-вторых, лишь концепция «сильного следователя» направлена на дальнейшее развитие и совершенствование следственных аппаратов. Противоположный подход, как уже было отмечено выше, в конце концов, приведет к необходимости полного упразднения данного процессуального участника в его современном понимании.

Ну и наконец, в-третьих, именно концепция «сильного следователя» более всего соответствует исконным традициям уголовного судопроизводства в Российской Федерации. А как показывает опыт, правовую традицию сломать бывает крайне сложно, а часто – вообще невозможно.

Возвращаясь к недостаткам концепции «сильного следователя», следует отметить, что действительно такие проблемы существуют. Но полагаем, их нельзя считать неустраняемыми. Представляется, что основную брешь в концепции «сильного следователя» – неготовность практических органов принять эту государственную доктрину – можно постепенно преодолеть. В связи с этим считаем целесообразным высказать ряд предложений.

1. Необходимо резко сократить количество следователей, особенно на низовом, районном уровне. Подобное сокращение осуществимо лишь при максимальной разгрузке следователей и их освобождении от ряда полномочий. Данного результата, к примеру, можно достигнуть посредством упрощения процессуальной формы, в частности замены предварительного судебного

контроля на последующий¹. К подобному результату можно прийти и посредством полного освобождения следователя от ряда полномочий, например от проведения неотложных следственных действий. Еще одним способом разгрузки следователей, по нашему мнению, является сокращение количества уголовных дел, предполагающих обязательное предварительное следствие или расширение альтернатив уголовному судопроизводству.

2. Концепция «сильного следователя» может заслужить свое право на существование только при разработке специальных требований, предъявляемых к личности следователя. Такими должны являться возраст (к примеру, не менее 23 лет), стаж работы (к примеру, в качестве помощника следователя не менее года), наличие высшего образования и т.д. Полагаем, что в качестве одного из подобных условий является необходимость прохождения специального психологического теста на профессиональную пригодность. В этой связи напрашивается вывод: для практического претворения в жизнь всех указанных рекомендаций требуется специальный закон «Об органах предварительного следствия».

3. Переход к новой концепции «сильного следователя» не должен быть революционным. По нашему мнению, его следует проводить длительно, постепенно, с поэтапным решением всех вышеуказанных задач и устранением вышеупомянутых недостатков. Это обеспечит некоторую процессуальную преемственность и устранил возможные колебания на практике (что мы имеем в настоящее время). Кроме того после каждого нового шага (этапа) государство сможет его оценить и проанализировать. А подобное условие является весьма важным при проведении любых реформ. В связи с этим представляется необходимой разработка специального документа – концепции реформирования органов предварительного следствия, – рассчитанной на длительный период. Данный документ может быть принят как на законодательном, так и на подзаконном уровне, например, утвержден постановлением Правительства РФ.

¹ См.: Нужен ли предварительный судебный контроль за производством следственных действий в жилище? (Ч.1) // Российский судья. 2009. №8. С.17; Нужен ли предварительный судебный контроль за производством следственных действий в жилище? (Ч.2) // Российский судья. 2009. №9. С.19.

В завершении отметим, что изложенные выводы и предложения не являются абсолютно бесспорными. Возможно, они не лишены недостатков, могут привести к большим проблемам, чем существуют в настоящее время. Однако, с нашей точки зрения, предложенный механизм улучшения качества работы следственных органов все же является наиболее рациональным.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ С ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ

Ю.Н. Рыжова

кандидат юридических наук, доцент

(Вологодский институт права и экономики ФСИН России)

Достижение целей уголовного судопроизводства, а также эффективность деятельности следственных подразделений, во многом зависит от того, на каком уровне осуществляется взаимодействие следователей с органами дознания.

Большинство ученых, затрагивающих в своих работах вопросы взаимодействия, рассматривают взаимодействие как совместную деятельность следователя и оперативных подразделений органов дознания, как сочетание процессуальных и оперативно-розыскных средств борьбы с преступностью. Такой подход, несомненно, обоснован ввиду того, что при совершении тяжких и особо тяжких преступлений, отнесенных к подследственности следователей, разоблачить лиц, их совершивших, не всегда возможно лишь процессуальными средствами и методами. Однако при этом следует отметить, что вопросы взаимодействия при расследовании уголовных дел в форме дознания остаются неразработанными, хотя по значительному количеству уголовных дел, зачастую весьма сложных в доказывании, требуется помощь подразделений, занимающихся ОРД.

Традиционно выделяются процессуальные и непроцессуальные (организационные) формы взаимодействия.¹ Одной из основных процессуальных форм взаимодействия являются не-

¹ См.: Павлов Н.Е. Взаимодействие следователя с органами дознания и общественностью при производстве предварительного следствия // Советский уголовный процесс / Под ред. С.В. Бородина. – М., 1982. С.261; Плеснева Л.П. Правовые и организационные основы взаимодействия следователя с органами дознания: Дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2002. С.70.